

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

ОСТОРОЖНЫЙ ОПТИМИЗМ

Рецензия на книгу: *Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая* / М.К. Горшков и др. / под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. — М.: Весь мир, 2016. — 400 с.

В.И. БЕЛОВ

Белов Вячеслав Иванович — кандидат философских наук, доцент Национального исследовательского ядерного университета МИФИ.

Цитирование: БЕЛОВ В.И. (2017) Осторожный оптимизм. Рецензия на книгу: *Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая* / М.К. Горшков и др. / под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. — М.: Весь мир, 2016. — 400 с. // Философские науки. 2017. № 5. С. 150–155.

slawa289@yandex.ru

Рецензируемая книга — четвертая в цикле коллективных монографий, написанных ведущими учеными Института социологии РАН. Все они посвящены анализу восприятий россиянами общества, в котором они живут, и что они об этом обществе думают. Исследования этих представлений проводились каждые шесть месяцев с октября 2014 г. по март 2016 г. Четвертая книга составлена по материалам четвертого исследования. Данные трех предыдущих исследований присутствуют здесь в виде таблиц, схем, рисунков, что позволяет сравнивать и видеть, как бьется пульс общества (см.; Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. — М.: Весь мир, 2015; Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. — М.: Весь мир, 2015; Российское общество и вызовы времени. Книга третья / под ред. Горшкова М.К., Тихоновой Н.Е. — М.: Весь мир, 2016).

Пульс ведет себя беспокойно, и будущее сопряжено с немалыми тревогами.. В силу этого в названии книги и присутствует термин «вызовы времени». Если провести простейший контент-анализ, то обнаружится, что чаще всего в этой книге встречается слово «кризис» в различных смысловых поворотах, подходах и оттенках. О реакции на кризис в течении полтора лет жителями России написаны все четыре книги. Полтора года — не слишком большой срок в жизни социума. Для того чтобы заметить какие-либо изменения, нужны довольно качественные инструменты измерения, специалисты высокой квалификации, умеющие виртуозно ими

пользоваться, и авторы способны выразить одновременно на научном и хорошем русском литературном языке малейшие колебания общественного мнения. Кажется что все три основные составляющие качественной социологической книги, здесь присутствуют в полной мере.

На четырехстах страницах рассыпано огромное количество эмпирических сведений о настроениях россиян, их отношений к жизненно важным аспектам жизни. В этом огромном массиве цифр и фактов просматриваются некоторые тенденции развития российского общества. Одни из них менее устойчивы, другие более. Одни из них неплохо верифицируются на основе наличной эмпирики, другие недостаточно обоснованы. В 2014 г. россиян более всего беспокоили внешние угрозы, а по данным последнего исследования их больше стали волновать внутренние угрозы. Ясно, что такого рода тенденция довольно неустойчивая. Многое, если не все, зависит от конъюнктуры момента. Так же в качестве тенденции отмечается движение в сторону формирования в России общества потребления. Такого рода тенденция не может быть кратковременной. Кроме того, думается, сама по себе эта тенденция для своего подтверждения требует не одного исследования. Не меньшего внимания и усилий по своему подтверждению требует тенденция формирования нового субъекта экономического и социально-политического действия, «способного в предлагаемых обстоятельствах выйти на авансцену ключевых событий и процессов общественной жизни» (с. 16). Следующая тенденция, пожалуй, наиболее прочно обоснована и имеет под собой почву в виде эмпирических социологических данных, имеющих в данной книге, и не только (см., например: Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад Рабочая группа института социологии РАН. Часть 3. (Историческое самосознание и национальный менталитет россиян. Социокультурные аспекты европейской идентичности россиян); Горшков М.К., Андреев А.Л., Аникин В.А., Бызов Л.Г., Бараш Р.Э., Петухов В.В. Тихонова Н.Е. Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 9–28.

Речь идет о том, что в России доминирует и сохраняет свою устойчивость ценностно-нормативная система, характерная для обществ «неоэтакратического» типа (с. 23).

Книга четвертая — сущий клад для любителей размышлять. Пищи для ума очень много. Возьмем только упомянутую тенденцию устойчивости нормативно-ценностной системы. В тексте мы обнаружим те ценности, которые исповедуют российские граждане. В таблице «Эмоционально-чувственное отношение респондентов к различным понятиям, %» (с. 142) наиболее положительно оцениваются: справедливость, Родина и свобода. Любые ценности так или иначе связаны с конкретным бытием человека, без чего он не представляет свое существование. Ценности же россиян все довольно неопределенные. Справедливость как ценность — скорее всего из области «жить по понятиям», а не по закону. Закон, как несущий элемент формального права не в состоянии отвечать критерию справедливости. Родина — не менее неоднозначная ценность. Ее можно трактовать и как патриотизм, и как нечто, происходящая от слов «родник» и «родня».

Свобода — вообще суперабстрактная ценность. Она может пониматься в диапазоне от анархии до неперемennого соблюдения прав человека. В самом деле, именно такого рода ценности и свойственны этатистскому сознанию.

В определенном смысле о ценностях мы можем судить и по иерархии значимости личных качеств (см. табл. на с. 132). Эта таблица показывает, что наиболее ценимыми личными качествами с точки зрения респондентов являются: честность, трудолюбие, справедливость, ответственность за себя и своих близких. В тексте монографии «трудолюбию» посвящен целый пассаж, в котором утверждается, что среди важнейших личностных качеств таковое встречается лишь в России. При этом упоминаются немцы, которые с точки зрения обыденного отечественного сознания, считаются наиболее трудолюбивыми. Но есть трудолюбие и трудолюбие. Во всем мире ценится немецкое качество, а значит добросовестная работа. Такая установка, скорее всего, обусловлена честностью, профессиональным долгом, в конечном счете, протестантской трудовой этикой. А любовь к труду (трудолюбие) отнюдь не самое необходимое для трудовой совести. По крайней мере, русская культура (именно русская) славится и любовью к труду и одновременно небрежностью в трудовом процессе. В этом смысле русскую культуру можно охарактеризовать как культуру «недозакрученного шурупа». Немецкая трудовая совесть, как и русская любовь к труду вкупе с небрежностью в труде закрепились на ментальном уровне и превратились в черты национального характера.

С ментальностью связаны рассуждения об индивидуализме и коллективизме, неоднократно возникающие на страницах четвертой книги. Не единожды на основании ответов респондентов делается вывод о том, что среднестатистический российский обыватель, скорее индивидуалист, чем коллективист. Сначала удивляешься. Получается какое-то развенчивание мифа о исконной коллективистской душе русского человека. А поразмыслив, обнаруживаешь, что ничего удивительного-то и нет. Сам по себе человек как родовое существо не индивидуалист и не коллективист, а то и другое одновременно. Ментальность формируется под влиянием двух факторов: природной среды и социально-политических факторов. Природная среда сформировала такую черту, как коллективизм. Социально-политическая среда — индивидуализм. На сегодняшний день природная среда потеряла свое значение в деле поддержания образца поведения. А социально-политический фактор, оставшись единственным, разгулялся не на шутку. Этатистско-патерналистское государство может сформировать только индивидуализм и ничего другого. Оно всем своим нутром чувствует неизбежный, неистребивый индивидуализм, в силу этого ему жизненно необходимо воспроизводить и поддерживать миф о коллективном менталитете русского народа. Миф о коллективизме как доминирующей черте русского характера столь силен, что мы как бы не замечаем высоченные непроницаемые заборы, возведенные вокруг наших дачных участков. А между тем современное огораживание основательнее любых социологических исследований свидетельствуют об отчуждении граждан от своего государства и каждого от общества. Не

случайно данные, полученные в ходе социологического мониторинга, свидетельствуют, что граждане в случае ухудшения их материального положения не собираются обращаться за помощью ни к государственным органам социальной защиты, ни к благотворительным организациям, ни к религиозным организациям (с. 268). Коллективизм с его обязательно активным гражданином формирует демократия западного образца. Именно она предполагает постоянное согласование позиций заинтересованных групп. А это, в свою очередь, делает необходимым постоянно поддерживать коллективистский дух группы и постоянный учет мнения других. В России и поддерживать, и учитывать зачастую не получается. «Дело в том, что из-за некоторых специфических особенностей национального характера россияне, когда они взаимодействуют в неинституционализированных коммуникативных пространствах, зачастую слишком бескомпромиссны и склонны абсолютизировать свою личную точку зрения. Это оборачивается пониженной способностью к конструктивному гражданскому сотрудничеству» (с. 137).

Немалое место в книге о российском обществе уделено поиску ответа на вопрос о возможности массовых политических протестов. Экономический кризис, чреватый ухудшением материального положения населения, делает этот вопрос чрезвычайно актуальным. С целью выявления протестного потенциала социологическая диагностика измеряла уровень доверия к политическим институтам. Оказалось, что лишь два политических института перешагнули 50-ти процентную планку доверия: Президент РФ и Российская Армия (с. 178). Причем уровень доверия к политическим институтам снижается по мере ухудшения материального положения респондента. Самый низкий уровень доверия выказывают те, кто оценивает свою материальную обеспеченность как плохую. Понятно, что тенденция обеднения населения, вызванная экономическим кризисом, потенциально содержит в себе угрозу протестов. Хотя на сегодня активность населения, можно сказать, минимальная. На этот счет в четвертой книге много фактологических свидетельств. Однако таблица на с. 222 «Динамика отношения россиян к людям, принимающим участие в акциях протеста, митингах, демонстрациях и т.п., %», дает повод, по крайней мере, задуматься. Непосредственно тех, кто принимает участие в указанных формах политической деятельности, насчитывается всего 4%. Но тех, кто не участвуя, одобряет «участвующих», набралось 30%, т.е. без малого треть всех опрошенных, а тех, кто не одобряет, почти в два раза меньше (с. 222).

Функция социологического диагноста, как и любого другого, заключается не только в констатации текущего «положения вещей», но и предполагает прогнозирование, предупреждение о возможном развитии «болезни». Несмотря на фиксируемую очень низкую протестную активность, социологи предупреждают о возможности ее роста. Это вероятно в случае углубления кризиса, ухудшения социально-экономической обстановки. И тогда немногочисленная внесистемная оппозиция найдет общий язык с теми, кто выступает с сугубо социально-экономическими требованиями. Рост протестной активности может произойти и в том

случае, если власть лишит своей защиты городской средний класс, который зачастую бывает застрельщиком радикальных политических протестных движений. Политическая протестная активность может возрасти, если не будет найден баланс «между укреплением силовой компоненты государства и принятием адекватных мер, направленных на раскрепощение социальной энергии россиян, на формирование отвечающих современным требованиям институциональной среды, позволяющей обеспечить механизм согласования частных, групповых (зачастую трудно сочетаемых друг с другом) интересов трудящихся, бизнеса и властей» (с. 234). В этой связи привлекает внимание рассуждения о наличии или отсутствии гражданского общества в Российском государстве. Автор данных заметок на стороне тех, кто считает, что гражданское общество в России существует. «В действительности отличие российской модели от общеевропейской состоит не в наличии (или, соответственно, отсутствии) гражданского общества как такового, в устойчивом воспроизводстве в России совершенно особого режима «пульсирующей» гражданственности» (с. 138). Кажется, подобная ремарка существенным образом дополняет все другие прогнозы, касающиеся возможности роста политической протестной активности.

Тревожным сигналом о неблагополучии представляется, выявленное социологами «системное изменение взаимоотношений работников и работодателей со смещением акцента в этих отношениях в сторону углубления бесправного положения работающих» (с. 352). Эти изменения привели к росту трудовых нагрузок с одновременным снижением социальной защищенности. Очевидно, что такое «положение вещей» может негативно сказаться на стабильности общества. Еще один тревожный сигнал связан с выявленным фактом о дистанцировании российских жителей от государства, что является «не меньшей угрозой общественной стабильности, чем террористические и экономические вызовы» (с. 269).

В целом социологическая диагностика, составленная по данным социологических исследований, свидетельствует, что российское общество вполне адекватно отвечает на вызовы времени. В четвертой книге чувствуется сдержанный оптимизм, который разбавлен высказываниями пессимистического толка. Вот несколько характерных минитекстов.

- «Общество подошло к рубежу, когда оно либо окончательно согласится с существующим порядком вещей, либо люди начнут искать пути и способы более активного влияния на окружающую их жизнь» (с. 175).

- «Таким образом, абсолютное большинство респондентов вне зависимости от религиозно-мировоззренческой ориентации отмечают, что напряжение в современном российском обществе, так или иначе, растет» (с. 258).

- «Однако к весне 2016 г. кризисная ситуация сдвинула чаши весов с точки равновесия и привела к пусть и небольшому, но доминированию у населения негативного социально-психологического состояния» (с. 348).

- «...среди россиян стали чаще проявляться чувства безразличия, апатии и подавленности (показатель вырос в два раза)» (с. 349).

В заключение, прежде чем закрыть книгу, посмотрим на те характерные черты живущего в России индивида, что «высветились» в результате проведенного социологического исследования.

- Это личность, склонная верить в светлое завтра. При этом время от времени заметна в ней тревожность, безразличие, подавленность и апатия. Эта личность несколько растеряна с начала кризиса и продолжает пребывать в таком состоянии.

- Эта личность предпочитает решать свои проблемы единолично или с помощью узкого, чаще всего семейного круга.

- Российский человек время от времени протестует против ущемления своих социальных прав, роста цен, несправедливых увольнений, но не против власти как таковой.

- Эта личность все увереннее и устойчивее начинает ощущать себя «гражданином России». Происходит «становление новой гражданской идентичности».

CAUTIOUS OPTIMISM

Book review: *M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov (eds.) Russian society and the challenges of time. Book four. Moscow, Ves' Mir, 2016. — 400 p.*

V.I. BELOV

Belov, Vyacheslav — Ph.D. in Philosophy, Associate Professor at the National Research Nuclear University “MEPHI”.
slawa289@yandex.ru

Citation: *BELOV V.I. (2017) Cautious Optimism. Book review: M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov (eds.) Russian society and the challenges of time. Book four. Moscow, Ves' Mir, 2016. — 400 p. In: Philosophical Sciences. 2017. Vol. 5, pp. 150-155.*